

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЧЕРНЯК

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы филологического факультета
Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-9291-1781; ma-cher@yandex.ru

ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВНА ЦВЕТКОВА

магистрант кафедры русской литературы филологического факультета
Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
lene.tsvetkova@yandex.ru

ГРАФИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ КАК НОВЫЙ СПОСОБ ДИАЛОГА С КЛАССИЧЕСКИМ ТЕКСТОМ

А н н о т а ц и я . Рассматриваются феномены современного диалога с классическими текстами художественной литературы и адаптаций классической литературы. Изменение места классики в современном культурно-историческом сознании непосредственным образом связано с социокультурными параметрами эпохи. Современная литература нередко обращается к образу А. С. Пушкина и его произведениям. Более того, присутствие пушкинских строк и образа самого поэта в «чужих текстах» является важной особенностью современного литературного процесса. Приводятся примеры разнообразных продолжений и переложений романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Графический путеводитель-комментарий писателя и школьного учителя Алексея Олейникова с иллюстрациями Натальи Яскиной к роману «Евгений Онегин» – новый тип освоения классического романа, сочетающий в себе графический роман и реальный и историко-литературный комментарий, в том числе и к пушкинской эпохе. Книга представляет собой чередование оригинального текста романа и самого комментария с историческими и культурными справками и инфографикой. Подобное прочтение классического текста является показательным примером создания текстов новой природы в условиях кризиса литературоцентризма.

К л ю ч е в ы е с л о в а : современная литература, детская литература, графический роман, «Евгений Онегин», комментирование художественного текста, визуальный нарратив, игра с классическим текстом

Д л я ц и т и р о в а н и я : Черняк М. А., Цветкова Е. Г. Графический путеводитель как новый способ диалога с классическим текстом // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 7. С. 78–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.669

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня, когда происходит «инфляция классики», классическое наследие по-разному встраивается в новую сеть отношений. Изменение места классики в современном культурно-историческом сознании непосредственным образом связано с социокультурными параметрами эпохи. Именно в отношении к классическому наследию предельно точно выявляются очертания современного литературного процесса. Классика, являясь центральным компонентом культуры, задает общую систему координат, играет роль своеобразного горизонта, к которому устремлены взгляды современных писателей. Нельзя не согласиться со словами Н. Б. Ивановой, по-

лагающей, что писатель XXI века «обращается назад за поддержкой». «...Одна из самых разрабатываемых прозой двадцать первого века территорий» [7] – территория адаптаций классической литературы.

Дефицит читательской компетенции, масштабное отторжение классики современным читателем связаны во многом с определенной культурной аллергией на школьный курс литературы. Показательны слова известных детских писателей А. Жвалевского и Е. Пастернак, авторов экспериментального романа-фанфика «Смерть мертвым душам»: «Мы задумались – как сломать шаблон (восприятия классики. – М. Ч., Е. Ц.), как убедить современного подростка, что Толстой

“крут”, Гоголь “прикольный”, а Достоевский (уж простите за сленг) вообще “жесть”?» [5]. Свообразным ответом на эти вопросы стал графический путеводитель-комментарий писателя и школьного учителя Алексея Олейникова с иллюстрациями Натальи Яскиной к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Необходимо отметить, что это не первый опыт А. Олейникова по созданию графического романа: рэп-комикс из школьной жизни «Соня из 7 “Буээ”» (художник Тимофей Яржомбек) стал необычным способом разговора с подростками о сложных проблемах. Новая книга-комментарий не только относится к самому роману «Евгений Онегин», но и к пушкинской эпохе, без реалий которой невозможно понять контекст произведения. «Энциклопедия русской жизни», как назвал роман «Евгений Онегин» В. Г. Белинский, к сожалению, безнадежно устарела для современных школьников: они не понимают правил, основ, реалий жизни того времени, не знают значения многих устаревших уже слов и понятий, культурного контекста европейской истории и литературы. Конечно, есть классический комментарий к роману «Евгений Онегин» Ю. М. Лотмана, который многие учителя используют на своих уроках, но надо понимать, что он не рассчитан на средне-статистического ученика и может быть сложен для понимания так же, как и сам роман. В этой связи возникает необходимость изучить современное бытование классического текста, символический капитал и коммуникативный смысл, которыми он наделен сегодня.

* * *

Необходимо отметить, что Пушкин уже давно превратился в имя нарицательное, некий универсальный концепт и обобщенный образ, которым измеряется не только русская литература, но и жизненный уклад. Знаменитые слова Н. В. Гоголя о том, что Пушкин – «явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа, это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через 200 лет», в наше время приобретают особое звучание. До какой степени Пушкин актуален сегодня?

«Образ Пушкина давно уже затмил самого Пушкина. Его творчество стало поводом, оправданием для самостоятельного существования этого гармонического шедевра. В небывалом в русской литературе органическом слиянии человека и поэта и заключается уникальность Пушкина»,

– отмечают П. Вайль и А. Генис [3: 141].

Важно и уточнение В. И. Новикова:

«Пушкинская мифология строилась на протяжении двух веков, фундамент ее закладывал сам поэт

при активном соучастии его друзей, недругов, собратов по музе и литературных противников. Каждое поколение затем создавало “своего” Пушкина, а всякий уважающий себя русский *homme de lettres* выдумывал нечто под названием “Мой Пушкин”, реализуя этот субъективный образ в стихах, прозе, статьях или в устных беседах. Все это теперь нельзя просто отбросить, все это невозможно игнорировать: сказанное и написанное о Пушкине стало частью русской культуры, вросло в нашу жизнь и в наш язык» [11].

Присутствие пушкинских строк в «чужих текстах» – одна из ярких черт не только постмодернизма, ориентированного на интертекстуальность и пародию, но и других направлений современной литературы. Современная детская литература нередко обращается к образу Пушкина и его произведениям, достаточно вспомнить рассказ Виктории Ледерман «Ну, Пушкин... ну, погоди!», рассказ Марии Иониной «Профиль Пушкина», историю «Пушкин и компания» в серии книг Марии Бершадской «Большая маленькая девочка», рассказ Анны Ремез «С чистого листа» и др. Существует множество литературных переделок и продолжений романа «Евгений Онегин», например роман французской писательницы Клементины Бове «Ужель та самая Татьяна?» и фанфик Алины Сахненко «Евгений Онегин. Версия 2.0. Эксперимент в стихах».

Для понимания специфики современного диалога с классикой представляются теоретически значимыми слова М. Загидуллиной о том, что нередко за восхвалением классиков («жить в стране Пушкина», «говорить на языке Толстого и Достоевского») скрывается омертвление ярлыка:

«Если предполагать, что память хранит информацию в виде свернутых ярлыков (энграмм, по теории Геннекена), то к исходу второго столетия “со дня рождения классики” (точнее, устойчивого пантеона) мы наблюдаем неспособность развернуть ярлык в целое. Само произведение сворачивается до условной и легко запоминаемой формулы, которая выступает по отношению к целому синекдохой, например, “Анна Каренина” ассоциируется с поездом. Таким образом, классическое литературное наследие переживает своеобразную реинкарнацию в пространстве сегодняшнего литературного процесса, где для “массового” формата свойственна серьезность и “курс на сакрализацию”, а для маргинального (элитарного) – стремление указать на возможные скрытые смыслы самого присутствия классики в нашей жизни» [6].

Эти слова приобретают особое звучание в наше время, когда череда двухсотлетних юбилеев русских классиков актуализировала дискуссию о рецепции текстов классического пантеона в жизни читателя цифровой эпохи.

Одним из способов приблизить к себе текст ушедшей эпохи становится дописывание. Специалист по феномену незаконченных текстов

Е. В. Абрамовских объясняет устойчивую традицию создания разнообразных продолжений и переложений «Евгения Онегина» так:

«Авторская рефлексия в “Евгении Онегине” является своеобразным ключом к пониманию принципа организации его незаконченных произведений: оставленность текста на пороге ситуации, дающей равные шансы для противоположных прочтений, и провоцирование сознания читателей на домысливание виртуальных сюжетов» [1: 23].

Принцип неснятых противоречий является основанием для утверждения Ю. М. Лотмана о наличии в романе «Евгений Онегин» наряду с реальным некоего минус-сюжета, который возникает потому, что поэт «знакомит нас с многочисленными дорогами, по которым он тем не менее не ведет свое повествование» [8: 96–97]. Показателен пример недавно опубликованной пародийной книги А. Савельева «Современный Евгений Онегин» [13]. В предваряющей пародию объяснительной записке автора подробно рассматривается история создания этого произведения, которое вписывается в значительный ряд текстов разных эпох. Ср.: Д. Д. Минаев «Евгений Онегин нашего времени»; Лери (В. В. Клоповский) «Онегин наших дней»; А. Е. Разоренов «К неоконченному роману “Евгений Онегин”»; Lolo (Л. Г. Мунштейн) «Онегин наших дней»; Н. А. Тучков «Евгений Онегин XX века»; А. Г. Архангельский, М. Я. Пустынин «Евгений Онегин в Москве»; И. С. Симанчук «Четыре Онегина»; Т. Г. Кулакова «Татьяна. Продолжение романа А. Пушкина “Евгений Онегин”»; А. П. Климай «Онегин и княгиня N»; В. П. Руадзе «Внук Онегина»; К. И. Чуковский «Нынешний Евгений Онегин»; Н. К. Чуковский «Новый Евгений Онегин» и др.

Современная литература активно меняет способы своего существования: новые формы художественного текста порождают новые культурные практики. Современный читатель по-другому ощущает литературу, потому что электронные носители диктуют другие правила и принципиально другие ожидания от вербальных текстов. Появляются новые формы ее взаимодействия с кинематографом, анимацией. Кинороман, комикс, визуальная новелла, интерактивная литература и т. п. – все эти феномены отвечают потребностям современного читателя в визуальной информации. Если использовать терминологию Маршалла Маклюэна, обитатель современной глобальной деревни не довольствуется только словами – ему нужны иллюстрации.

Примером современных игр с пушкинским романом может стать визуальная новелла

«Евгений Онегин» студии Dreamlore, представляющая собой аниме. Сюжет игры имеет весьма отдаленное отношение к первоисточнику, однако есть несколько опорных моментов, которые все же привязывают его к роману: Онегин приезжает в имение умершего дяди, знакомится с Ленским, семейством Лариных, иногда (если игроку удастся выйти на эту сюжетную линию через множество развилок) стреляется с Ленским. Но остальные сюжетные ходы абсолютно самостоятельны и относят игру скорее к жанру хоррор с элементами детектива. Кроме того, список персонажей также существенно отличается от пушкинского. Отец Лариных жив, у него молодая жена Полина, Ольга и Татьяна – близнецы. Ленский, вопреки пушкинскому портрету, блондин. Одним из основных действующих лиц в визуальной новелле стал Александр Чацкий – профессиональный охотник на нечисть. Также в сюжет введен Евгений Базаров – главный злодей и воскрешатель мертвецов (сохранена его склонность к естественнонаучным экспериментам, только вместо лягушек он теперь экспериментирует с умершими крестьянами, пробуя на них действие эликсира бессмертия). В игре существует шесть версий концовок: в одной из них умирает Онегин, в другой Ленский становится пособником Базарова [10].

Вспомним, что Ю. М. Лотман, называя «Евгений Онегин» трудным произведением, объяснял это так:

«Самая легкость стиха, привычность содержания, знакомого с детства читателю и подчеркнуто простого, парадоксально создают добавочные трудности в понимании пушкинского романа в стихах. Иллюзорное представление о “понятности” произведения скрывает от сознания современного читателя огромное число непонятных ему слов, выражений, фразеологизмов, имен, намеков, цитат» [8: 54].

«Евгений Онегин» А. Олейникова представляет собой принципиально новый тип преобразования классического романа. Это, с одной стороны, реальный и историко-литературный комментарий, с другой стороны, это графический роман. В последние годы жанр комментария применительно к изданию текстов детской литературы актуализируется, об этом, например, свидетельствует проект издателя Ильи Бернштейна «Руслит» (издательский проект «А» и «Б») или серия «Книга + Эпоха» издательства «Лабиринт». Очевидно, что необходимы комментарии именно к текстам классической и советской детской литературы, формирующей общий культурный код для современных читателей – ребенка и взрослого. Комментарии к текстам детской литературы

в зависимости от их адресации (дети или взрослые, работающие с детьми) «должны использовать метаязык, адекватный тезаурусу адресата. Очень важно визуальное сопровождение описываемых реалий, точно соответствующее времени создания текста» [15: 114]. Стремительный ход времени, динамика развития в разных областях привели к тому, что очень много бытовых понятий, лексики, исторических событий оказываются непонятны и требуют разъяснений. Каждая эпоха и каждое поколение требуют своего типа комментария, соответствующего общекультурному и историческому развитию. В одном из номеров научного журнала «Детские чтения», полностью посвященного изучению академического и издательского комментирования детской литературы, поднимается важный вопрос о разных функциях комментария:

«Распространенное мнение, что комментарий для детей – это особый вид комментария, призванный разъяснить детям непонятное в тексте <...> в последнее время радикально пересматривается. Комментарии все более и более становятся способом донести до юных читателей взрослую позицию по поводу советского (или иного) прошлого, превращаясь в конечном итоге в комментарий, задающий нормативное чтение текста, педагогический в широком смысле этого слова. И тут уже не столь принципиально, какую оптику использует и какие оценки расставляет комментатор, важно, что он берется их расставить» [4: 4].

Форма и жанр графического романа для комментария, который выбрали Алексей Олейников и Наталья Яскина, оказались очень удачными. В аннотации к книге уточняется, что графический путеводитель:

«раскрывает основные события романа через комикс (Пушкин бы оценил!); мгновенно снимает порчу школьного образования; поддерживает текст классика цитатами его современников, визуальными комментариями, инфографикой, делая культурный код романа доступным и запоминающимся»¹.

Действительно, в книге сильная визуальная составляющая: сложная для современного читателя информация (например, правила дуэлей и дуэли самого Пушкина, хронология событий в романе) преподнесена в виде простой, но очень популярной у подростков инфографики, схем, графиков, лент времени. В предисловии к книге сказано:

«Комментарий – значит толкование. Эта книжка – графический путеводитель-комментарий по миру романа “Евгений Онегин”. Почему мы решили не только писать, но и рисовать? Потому что это интересно – хоть немного оживить прошедшее. Мы не претендуем на полноту комментария: по большому счету, в Онегине надо комментировать каждую строку. Мы надеемся, что эта

книга поможет вам сделать первый шаг в исчезнувшее время и немного ощутить дух пушкинской эпохи со всей ее сложностью и противоречиями» (3).

Таким образом, книга Алексея Олейникова и Натальи Яскиной призвана заполнить общекультурные лакуны, дать толкования агнонимичной для современного читателя лексики. Ведь если книга станет понятна современным школьникам, если роман действительно «оживет» благодаря ярким визуальным образам и схематичности передачи сюжета, то интерес и вовлеченность читателя, конечно, увеличатся. В этой связи было бы уместно вспомнить слова С. Мак-Клауда, который в своей книге «Понимание комикса», созданной в виде комикса, отмечает:

«С самого момента своего возникновения печатное слово и текст стремились в противоположные стороны. Изображение было одержимо сходством, светом и тоном, всем видимым. Текст же овладевал невидимыми сокровищами: чувствами, эмоциями, духовностью, философией» [9: 13].

Визуальный нарратив – это история, где текст и изображение находятся в постоянном взаимодействии и бессмысленны друг без друга. Поэтому он так востребован в современной детской литературе, для которой характерно обилие визуальных образов. Современные педагоги, психологи, культурологи давно говорят о том, что дети воспринимают всю информацию 10-секундными визуальными нарративами. Создатели визуальных текстов стремятся найти способ, который позволил бы, например, перевести на их язык с языка историков, литературы, мемуаров, воспоминаний дедушек и отцов. Показательным визуальным примером погружения в историю через быт является книга «История старой квартиры», написанная А. Литвиной и проиллюстрированная А. Десницкой. Авторы этой своеобразной иллюстрированной энциклопедии, сужая топос повести рамками одной квартиры, с поразительной точностью показывают, как «большая» история преломляется в «маленькой» истории – личной жизни нескольких поколений семьи Муромцевых. Визуальный нарратив является более гибким и насыщенным, потому что вмещает в себя не только информацию о главных героях, но и об эпохе в целом. Следует подчеркнуть, что наличие невербального компонента – одна из характерных черт детской литературы, которая обусловлена особенностями адресата-ребенка, его наглядно-образным мышлением, что прекрасно воплощено авторами в своеобразном формате книги. Очевидно, что в современном мире, где «картинка» превалирует над текстом, для того, чтобы понять

и интерпретировать какую-либо информацию, нужно «прочитать» не только текст, но и относящийся к нему визуальный образ. Е. Асонова, рассуждая о визуальном в современной детской литературе, пишет:

«В комиксе автор создает образы, задает темп, разворачивает действие, только работает с цветом, штриховкой, композицией кадра и композицией расположения кадров на листе. И самое важное иногда читателю надо “увидеть” между кадрами, то есть понять, чего автор не изобразил, оставив читателю возможность установить причинно-следственную связь между кадрами. Иными словами, чтение комикса требует иной читательской компетенции, которая детям свойственна в большей степени, чем взрослым» [2: 419].

Современный комментарий к роману «Евгений Онегин» – это, конечно, не комикс в классическом понимании этого жанра, а именно графический роман, графический путеводитель, как называют его сами авторы, но ему присущи те же характеристики: нелинейность, особый ритм и динамика повествования, синтез визуального и вербального нарратива. Текст романа «Евгений Онегин» у А. Олейникова превращается в гипертекст с множеством внутренних ссылок с одной страницы на другую. Писатель в своем интервью отмечает:

«Здесь объединены сразу несколько видов графического нарратива. С одной стороны, здесь есть комикс. И комикс, как отдельный жанр <...> это именно отдельный вид искусства – тексто-графическое единство, которое имеет право на существование. С другой стороны, здесь присутствует инфографика, где представлены целые информационные развороты» [12].

Текст романа А. С. Пушкина представлен в книге не полностью. Как и в самом романе, в графическом комментарии восемь глав, но в них сохранены только основные перипетии сюжета, позволяющие реконструировать содержание «Евгения Онегина» в целом: жизнь Евгения в Петербурге и переезд в деревню, знакомство с Ленским, описание Ольги и Татьяны, письмо Татьяны к Онегину, объяснение Татьяны и Онегина, сон Татьяны, дуэль Онегина и Ленского, поездка Татьяны в Москву на ярмарку невест и, наконец, встреча Евгения и Татьяны в последней главе и объяснение главных героев. Алексей Олейников, говоря о работе над романом, объясняет:

«Проблем перевода глав “Евгения Онегина” в формат комикса не было, потому что, в принципе, сам текст <...> предполагал и подсказывал, как именно и что рисовать. <...> Наша совместная работа (с художником Натальей Яскиной. – М. Ч., Е. Ц.) заключалась в том, что мы брали главу, обсуждали ее, делили на смысловые фрагменты и выявляли ключевые “точки”. В любом

случае, это комикс-конспект выбранной главы, которая дается в сокращении, где так или иначе сохранена сюжетная линия, но те же лирические отступления, которыми пришлось жертвовать в силу того, что сам формат диктовал такой подход, были сильно “порезаны”. С одной стороны, мы пытались сохранить дух пушкинского романа, но при переводе какой-то части в изображение нам приходилось дорабатывать картинку, добавляя новые, уникальные черты» [12].

Книга представляет собой чередование оригинального текста романа и самого комментария с историческими и культурными справками и инфографикой, из которых читатель узнает, во что одевался Онегин, где прогуливался, из каких блюд состоял его обед. Кроме этого, в комментариях содержатся и общекультурные сведения об эпохе: устройство театров, мужское и женское образование, сословное деление общества, правила поведения женщины в обществе, порядок проведения дуэлей. Правильно расставленные акценты Олейникова и Яскиной погружают графический путеводитель в контекст, без которого восприятие текста романа «Евгений Онегин» было бы неполным. Авторы наглядно в пределах одного разворота описывают краткое содержание романа, хронологию событий, прогулки героя по Петербургу и место встречи Татьяны и Евгения изображаются в виде карт, портреты главных героев даются в сравнении и противопоставлении друг с другом («Онегин vs Ленский», «Татьяна vs Ольга»). Комментарий Олейникова также выводит роман за рамки простого толкования сюжета и знакомых реалий, отдельное место в графическом путеводителе занимают описания реакции критиков, а также существования романа «Евгений Онегин» в контексте русской и зарубежной литературы. Благодаря инструментарию комикса авторам удается соединить и систематизировать разнородный материал большого объема. М. Скаф определяет жанровые особенности комикса так:

«В комиксе текст изначально – визуальный элемент. Шрифт, размер, цвет текста – такое же выразительное средство, как и насыщенное межфреймовое пространство или боковые рамки с паттернами. В зависимости от того, как меняются интонации говорящего, от того, кто говорит, кому, что и в какой ситуации, будет меняться и внешний вид текста – от размера и цвета до формы текстового пузыря» [14: 295].

Так, например, письмо Татьяны передается письменным шрифтом, как и писала его главная героиня от руки, местами неразборчиво, где-то текст скрывается под растекшимися чернилами; если на страницах с комментарием необходим текст из романа, он располагается

в текстовом пузыре отличного от основного повествования цвета. Толщина и размер шрифта, использование курсива, расположение текста на странице, цветные вставки – все эти приемы позволяют обыграть текст, придают ему многомерность, объем и экспрессивность.

А. Олейников нередко прибегает к ироничному тону комментариев. На странице, где рассказывается о костюме Евгения Онегина, появляется персонаж с наушниками и кружкой кофе в руке (напоминающий еще одну замечательную «пушкиниану» художницы Евгении Двоскиной), выглядящий очень модно, более того, говорящий на современном языке с использованием сленга:

«Отличный у меня лук, я считаю. Пиджачок на фри-маркете подрезал – на старый скейт поменял. Сникеры маман подогнала на ДР. Свитер у бабушки в шкафу нашел». Евгений Онегин вступает с ним в диалог и отвечает: «Мыслимое ли дело – чужие вещи носить? Фрак с панталонами и жилеткой по последней моде обошелся мне в 300 рублей. Дорого, а что делать? Не на Кузнецком мосту шит, а из Парижа почтой доставлен» (13).

Чтобы объяснить, что за человек был Евгений Онегин, его характер, мысли и мотивы поступков, Алексей Олейников и Наталья Яскина изображают голову Онегина в разрезе, буквально поделив ее на фрагменты. Вот что находится в голове молодого Евгения: изображения (*каталог фраков и панталон, портрет Байрона, карта вин и напитков*), манеры (*иметь вид знатока, кланяться непринужденно, зевать*), мода (*духи в граненом хрустале, пилочки стальные, щетки тридцати родов*), танцы (*мазурка, полонез, котильон*), исторические анекдоты (*от Ромула до наших дней*), экономика (*Адам Смит, простой*

продукт), языки (*письменный и устный русский и французский, эпиграммы, два стиха из Энеиды, латынь, чтоб эпиграфы разбирать*) и мусор (*ямб, хорей, Гомер и Феокрит*). Отдельное внимание уделено «науке страсти нежной», которая представлена в виде расширенного списка навыков, которыми искусно владеет главный герой: действие (*лицемерить, разуверять, таить надежду*), навыки (*томное молчание, пламенное красноречие, небрежность, дерзкий взгляд*), специальный навык (*послушная слеза*), комбинации (*ловить минуту умиления, молить и требовать признания, добиться тайного свидания*), стиль поведения (*казаться мрачным, изнывать, являться гордым и послушным, являться равнодушным*). Если А. С. Пушкин изображает портрет Евгения Онегина в первой главе романа в нескольких строфах достаточно разрозненно, то в комиксе визуальный нарратив упрощает восприятие образа Онегина и делает его целостным в сознании читателя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кажется, что графический путеводитель «Евгений Онегин» Алексея Олейникова и Натальи Яскиной вобрал в себя все то, что нравится и близко современному школьнику и подростку. Так, далекий от нас текст классической литературы, текст великий и канонизированный обретает свободу, новые смыслы и новые прочтения в XXI веке. Остается надеяться, что подобное освоение русской классики станет дорогой к новому прочтению, и тогда опыты современных писателей можно считать своеобразными культуртрегерскими проектами.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Олейников А. Графический путеводитель / Ил.: Яскина Наталья. М.: Самокат, 2021. С. 3. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамовских Е. В. Феномен креативной рецепции незаконченного текста (на материале дописываний незаконченных отрывков А. С. Пушкина): Монография. Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2006. 280 с.
2. Асонова Е. Визуальное в литературе, или о современном компетентном ребенке // Детские чтения. 2019. Т. 16. № 2. С. 416–424.
3. Вайль П., Генис А. Родная речь: уроки изящной словесности. М.: КоЛибри, 2008. 256 с.
4. От редакции // Детские чтения. 2018. Т. 14. № 2. С. 3–5.
5. Жвалевский А., Пастернак Е. Как защитить классиков // Детские чтения. 2014. Т. 5. № 1. С. 237–243.
6. Загидуллина М. Скрытые смыслы русской классики: первое десятилетие XXI века [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rospisatel.ru/konferenzija/zagidullina.htm> (дата обращения 17.03.2021).
7. Ивановна Н. Трудно первые десять лет: конспект наблюдений // Знамя. 2010. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/znamia/2010/1/trudno-pervye-desyat-let.html> (дата обращения 15.03.2021).
8. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М.: Просвещение, 1988. 352 с.
9. МакКлауд Скотт. Понимание комикса. М.: Белое яблоко, 2016. 216 с.
10. Масленкова Н. А. «Читатель + Зритель = ?». К вопросу о новых практиках восприятия текста // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3 (8) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/chitatel-zritel-k-voprosu-o-novyh-praktikah-vospriyatiya-teksta> (дата обращения 20.03.2021).

11. Новиков В. Двадцать два мифа о Пушкине [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://novikov.poet-premium.ru/texts/254/> (дата обращения 21.02.2021).
12. Олейников А. Интервью для «Лаборатории ДЕТИТ» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://t.me/DetLitHerzen/68> (дата обращения 15.02.2021).
13. Савельев А. Современный Евгений Онегин. М.: Прогресс-Традиция, 2018. 580 с.
14. Скаф М. Комикс и книжка-картинка: границы визуально-литературных жанров // *Детские чтения*. 2016. Т. 10. № 2. С. 285–303.
15. Черняк В. Д., Черняк М. А. Восприятие произведений детской литературы и проблемы комментирования // *Детское чтение: проблемы рецепции и интерпретации*: Коллективная монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. С. 101–123.

Поступила в редакцию 29.03.2021; принята к публикации 30.07.2021

Original article

Maria A. Chernyak, Dr. Sc. (Philology), Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation)

ORCID 0000-0001-9291-1781; ma-cher@yandex.ru

Elena G. Tsvetkova, Master's Student, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation)
lene.tsvetkova@yandex.ru

GRAPHIC GUIDE AS A NEW WAY OF HAVING A DIALOGUE WITH A CLASSICAL TEXT

Abstract. The paper addresses the phenomena of modern literature's referral to classical fiction texts and adaptations of classical literature. Assigning a new place to classical literature in the modern cultural and historical consciousness is directly related to the socio-cultural parameters of the epoch. Modern literature often refers to the image of Alexander Pushkin and his works. Furthermore, the presence of Pushkin's verses and the image of the poet himself in "other author's texts" is an important feature of the modern literary process. The article presents the examples of various sequels and adaptations of Pushkin's novel *Eugene Onegin*. A graphic guide with a commentary to *Eugene Onegin* created by a writer and school teacher Alexey Oleynikov and illustrated by Natalia Yaskina is a new form of comprehending the classical novel, which is a combination of a graphic novel and a real historical and literary commentary that covers various aspects including those of Pushkin's epoch. The book is an alternation between the original Pushkin's text and the commentary with some historical and cultural references and infographics. Such interpretation of a classical book is an illustrative example of creating new types of texts amid the crisis of literature-centrism.

Keywords: modern literature, children's literature, graphic novel, Eugene Onegin, literary commentary, visual narrative, playing with classical text

For citation: Chernyak, M. A., Tsvetkova, E. G. Graphic guide as a new way of having a dialogue with a classical text. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(7):78–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.669

REFERENCES

1. Abramovskikh, E. V. The phenomenon of creative reception of an unfinished text (finishing Pushkin's unfinished passages). Chelyabinsk, 2006. 280 p. (In Russ.)
2. Asonova, E. The visual in literature, or on a contemporary competent child. *Children's Readings*. 2019;16(2):416–424. (In Russ.)
3. Vail, P., Genis, A. Native speech: lessons of belles-lettres. Moscow, 2008. 256 p. (In Russ.)
4. Children's Readings. From the editors. *Children's Readings*. 2018;14(2):3–5. (In Russ.)
5. Zhvalevskiy, A., Pasternak, E. How to protect classical writers. *Children's Readings*. 2014;1(5):237–243.
6. Zagidullina, M. Hidden meanings of Russian classics: the first decade of the XXI century. Available at: <https://rospisatel.ru/konferenzija/zagidullina.htm> (accessed 17.03.2021).
7. Ivanova, N. The difficult first ten years: Summary of observations. *Znamya*. 2010;1. Available at: <https://magazines.gorky.media/znamia/2010/1/trudno-pervye-desyat-let.html> (accessed 15.03.2021).
8. Lotman, Yu. M. In the school of the poetic word: Pushkin, Lermontov, Gogol. Moscow, 1988. 352 p. (In Russ.)
9. McCloud, S. Understanding comics. Moscow, 2016. 216 p. (In Russ.)
10. Maslenkova, N. A. "Reader + Viewer = ?" – On the new text comprehension practice. *International Journal of Cultural Research*. 2012;3(8). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/chitatel-zritel-k-voprosu-o-novykh-praktikah-vospriyatiya-teksta> (accessed 20.03.2021).
11. Novikov, V. Twenty-two myths about Pushkin. Available at: <https://novikov.poet-premium.ru/texts/254/> (accessed 21.02.2021).
12. Oleynikov, A. Interview for the DETLIT Laboratory. Available at: <https://t.me/DetLitHerzen/68> (accessed 15.02.2021).
13. Savel'ev, A. Modern Eugene Onegin. Moscow, 2018. 580 p. (In Russ.)
14. Skaf, M. Comics and picture books: the boundaries of visual and literary genres. *Children's Readings*. 2016;10(2):285–303. (In Russ.)
15. Chernyak, V. D., Chernyak, M. A. Perception of children's literature works and problems of commentary. *Children's literature: problems of reception and interpretation*. St. Petersburg, 2020. P. 101–123. (In Russ.)

Received: 29 March, 2021; accepted: 30 July, 2021